

УДК: 162.6 + 159.955.6

DOI: 10.15372/PS20250611

END: EUOAMU

Е.Н. Лисанюк, О.А. Шапиро

**О ПРИМЕНЕНИИ ЛОГИКИ И АРГУМЕНТАЦИИ
К АНАЛИЗУ РЕШЕНИЯ СУДЕБНОГО СПОРА
(СИТУАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА
О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ)**

Мы излагаем результат комплексного ситуационного изучения аргументации сторон судебного конфликта при помощи ряда методик логического и формально-философского анализа, моделирующих их демонстративные и недемонстративные рассуждения. Такой подход позволяет преодолеть ограничения дескриптивных и нормативных методов исследования судебной аргументации, используемых изолированно, и реконструировать суть судебного спора в его полноте и целостности. На материале судебного дела о взыскании смешанных алиментов мы реконструируем его фрагмент, связанный с противоположной трактовкой истцом и ответчиком одного из юридических фактов по делу. Для первичной реконструкции мы используем тулминовскую модель и картируем используемые сторонами аргументативные структуры на графе; далее идентифицируем исследуемый спор как тертиарный и разграничиваем имеющиеся в нем под-споры, уточняя специфику каждого из них, и, наконец, при помощи методики нормативных систем демонстрируем суть расхождений во мнениях по поводу фактической стороны дела и содержательный смысл его решения. Мы полагаем, что такая реконструкция и анализ судебных споров с использованием предложенного нами набора методик имеет не только высокий эвристический потенциал в случаях неочевидности решения по делу, но и практическую значимость при переходе судебного спора на следующую инстанцию, поскольку позволяет более точно оценить перспективы и обоснованность судебного решения.

Ключевые слова: условные рассуждения, формальная аргументация, деонтическая логика, судебная аргументация, классификация споров, методика нормативных систем.

E.N. Lisanyuk, O.A. Shapiro

**ON THE APPLICATION OF LIGIC AND ARGUMENTATION
TO THE ANALYSIS OF THE DECISION
OF A LEGAL DISPUTE (A CASE STUDY OF A CASE
ON THE COLLECTION OF ALIMONY)**

We present the result of a case-study of reasoning in a dispute using formal-logical and qualitative methods of analysis that model demonstrative and non-demonstrative argumentation. This approach allows us to overcome the limitations of descriptive and normative methods of studying judicial argumentation used in isolation and to reconstruct the essence of a judicial dispute in its fullness and integrity. We reconstruct a fragment of a court case on the recovery of mixed alimony, connected with the opposite interpretation by the plaintiff and the defendant of one of the legal facts in the case. For the initial reconstruction, we use the Toulmin model and map the argumentation of the parties on the graph; then we identify their dispute as a complex tertiary dispute and distinguish its sub-disputes and specify the properties of each of them. Finally, with the help of the methodology of normative systems we demonstrate the core difference of the parties' opinions in interpreting the fact of the alienation of the real estate by the defendant case and show those interpretations lead to the opposite decisions. We believe that the reconstruction and analysis of judicial disputes using the set of methods proposed by us has not only a high heuristic potential, especially in less obvious cases, but also is practically significant when the judicial dispute continues at the next instance, since it allows for a more accurate assessment of the grounds and validity of the judicial decision.

Keywords: conditionals, formal argumentation, deontic logic, legal argumentation, classification of disputes, methodology of normative systems.

Введение

Замечательные результаты изучения юридической аргументации, достигнутые в XX в. в правоведении, логике, теории аргументации, а в последнее время и в информационных технологиях в праве, - разных областях научного знания, полагающих ее частью своего предмета, позволили создать и успешно применять дескриптивные и нормативные методики анализа судебного спора и оценивания его решения, основанные, соответственно, на деонтической логике и теории нормативных систем [1], диалектических [31] и формальных [23] концепциях моделирования аргументации. Здесь мы их используем для реконструкции фрагмента судебного Дела о взыскании смешанных алиментов¹ в долях с официального, и твердой денежной сумме (ТДС) – с неофициального дохода ответчика, (далее - Дело о ТДС), дополняя наше более ранее исследование этого случая [9] его анализом посредством объединенной классификации аргументативных споров. Особенность рассматриваемого фрагмента Дела о ТДС, привлекающая наше внимание в контексте суперпозиции дескриптивных и нормативных методик анализа судебного спора, связана с различиями в трактовке факта безвозмездного отчуждения ответчиком недвижимости, являвшейся источником неофициального дохода, в пользу его близких родственников в юридически значимый период. Этот факт был использован в качестве подтверждения своей позиции обеими сторонами и сыграл ключевую роль в вынесении решения.

Разработанные методики призваны ответить на два связанных между собой вопроса: каким образом в этих областях оперируют или должны оперировать, во-первых, специфическими для обоснования в праве нетехническими средствами доказывания, к которым относятся нормы права, фактические данные, свидетельства (очевидцев), письменные договоры и т.д.; и, во-вторых, неспецифическими для обоснования в праве способами и приемами аргументирования, включающими демонстративные и недемонстративные рассуждения, риторические фигуры и т.п. Дескриптивные методики позволяют выявить спектр используемых необходимых данных

¹ Дело №2-929/2022 // Архив Центрального районного суда г. Воронежа. В изложении Дела имена участников изменены.

и приемов, высвечивая допущения и ходы, принимаемые подчас по умолчанию, а нормативные – обусловливание определенными данными и приемами таких свойств юридических решений как обоснованность и справедливость, а также и особенности их легитимации.

Для реконструкции и анализа фрагмента Дела о ТДС мы используем четыре методики, основанные на современных концепциях логики и аргументации. Сначала мы реконструируем аргументацию сторон при помощи тулминовской модели [28], что дает возможность выделить ключевые требования сторон и их возражения, а также подкрепляющие их различные данные. Затем аргументы и контраргументы смоделированы при помощи аргументационного фреймворка и картированы на графе, что визуализирует соотношение позиций сторон, их защиту и критику. Далее посредством объединенной классификации аргументативных споров в конфликте истца и ответчика мы идентифицируем обращенный к суду составной тертиарный спор и разграничиваем в нем дискурсивный спор о фактах по делу и делиберативный спор о действиях сторон по преодолению конфликта. На основе этого при помощи методики нормативных систем мы показываем, в чем состоит суть расхождений во мнениях по поводу фактической стороны дела и как это влияет на решение по делу, отвечающее на вопрос, что надлежит делать каждой из сторон для устранения конфликта. Мы демонстрируем, каким образом совместное применение, соответственно, двух дескриптивных и двух нормативных методик способствует уточнению особенностей позиций сторон, их аргументации и обоснования вердикта по Делу. Результаты этого применения позволяют реконструировать суть конфликта, дать объяснение его юридическому решению и детализировать его мотивацию, что важно для дальнейшего рассмотрения дела в многоэтапных судебных спорах, к которым относятся и споры о взыскании алиментов.

Суперпозиция дескриптивных и нормативных методик анализа аргументации

Учение об обосновании решения - о том, каким образом необходимые данные превращаются в решение с учетом двухкомпонентной онтологии юридической аргументации, включающей фак-

ты и нормы, и ее многокомпонентной эпистемологии, выявляющей способы их получения из свидетельств, документов и различных нормативных кодексов, составляет краеугольный камень правоприменения. Нормативный характер используемых методик зиждется, с одной стороны, на позитивизации процедурных норм решения правоприменительных задач посредством обращенных к судьям и юристам требований соблюдать вытекающую из разделения властей границу между функциями создания и применения права и основывать свои решения на нормах права, избегая чрезмерного его толкования при устранении коллизий и восполнении пробелов [13]. С другой стороны, это не исключает судебного усмотрения, прибегающего к общим правилам и методам рассуждений в интерпретации фактов, как происходит в рассматриваемом здесь деле о ТДС, а также в толковании норм при родовой и индивидуальной субсумции [2, с. 153] или правовых принципов, например, когда приходится устранять пробелы и коллизии, ссылаясь на идеалы полноты и непротиворечивости права [1, с. 191].

Нормативный характер решений и процедур его получения в деонтической логике выводят формально и семантически - через идею деонтического совершенства возможного мира, в котором выполняются все нормы кодекса [25] или их максимальное подмножество [22]. Несмотря на то, что формальная корректность и семантическая строгость не исключают методологической свободы в выборе формализмов для моделирования обоснования решений или семантических фреймворков их интерпретации, они в духе картезианства предполагают, что в судебном споре имеется единственное верное решение, и выступают едва ли не самыми жесткими ограничениями для судейского усмотрения в интерпретации фактов и норм. На рубеже XIX-XX вв. это сделало логический подход одним из лучших кандидатов для обоснования необходимости решения и его публичной легитимации и отразилось в росте влияния «новой» дедуктивной, или силлогистической, модели правоприменения, согласно которой «любое судебное решение обнаружит его логическую природу» [19, с. 606]. Помимо формальных и семантических канонов, логическое моделирование обоснования решений подразумевает обязательство придерживаться ряда эпистемических ограничений, таких как принципы уни-

кальности и наивысшей когнитивной ценности истины, а также эпистемическую добросовестность в том, чтобы отбрасывать ложь ради сохранения истины [8, 17]. В целях объединения фактов и норм дедуктивная модель стремится ограничить интерпретацию норм, нивелируя онтологическое различие между ними и приближая их к фактам эпистемически, например, путем трактовки гипотез норм как описаний фактов родовых случаев, а неопределенности фактов, способных повлечь различные субсумции хартовских «случаев полутени» - как пробелов в знании либо распознавании [1, с. 74].

Жесткость ограничений логического подхода вызвала критику дедуктивной модели и открыла перспективу объединения норм и фактов в обосновании решений средствами аргументации, сглаживающей эту жесткость при помощи инструментов риторики и диалектики. Возрождение этого берущего начало в античной риторике «старого» проблемно-ориентированного подхода в середине XX в. немецкий юрист Теодор Фивег связал с топической моделью правового мышления, каталогизирующей способы и приемы аргументирования, в противовес системно-ориентированной дедуктивной модели, обязывающей использовать в доказывании строго определенные инструменты [29]. В отличие от дедуктивной модели, новые версии «старой» модели нацеливаются ограничить произвольное усмотрение по поводу норм через включение в предметную сферу права не только нравственных постулатов, но и общих канонов рассуждений [3, 15], а толкование фактических обстоятельств – при помощи топов, общих мест, нормирующих спектр возможных позиций в данном судебном споре ради обеспечения функции нахождения релевантных посылок в обосновании решения, в отличие от логики, обеспечивающей корректную процедуру их применения [14, с. 30-31]. В результате возникло два взгляда на роль логики и аргументации в праве, сторонники которых, разделяя представление об их необходимости в качестве инструмента права, разошлись в вопросе о его предметной принадлежности. Последователи правового нормативизма в русле «Чистого учения о праве» Ганса Кельзена [6], включая К. Альчуррона и Е. Булыгина, - авторов используемого нами метода нормативных систем, отводили им исключительно методологическую роль, сохраняя свободу выбора подобных инструментов и их характера как нормативного

или дескриптивного [1]. Последователи «Понятия права» Герберта Харта [18], аналитические философы права, напротив, видели их частью правового мышления и, стало быть, частью права, предметно обуславливая их нормативный характер - см., например, [20, 12].

Нетехнические способы доказывания сами по себе не являются аргументами, но становятся ими в конкретных процессах и судебных разбирательствах в качестве выполняющих определенные функции элементов рассуждений в позициях сторон, как на примере юридической аргументации показывает используемая здесь тулминовская модель. В ней в высказывательной форме аргумента выделяют данные, или фактические сведения, основания, представляющие собой нормативные акты и поддерживающие заключение, а также необходимые уточнения и подлежащие проверке возможные возражения. Нормативный характер процедур обоснования топическая модель обеспечивает двояким образом - посредством имплементации стандартов рациональности в критических дискуссиях [4], одним из примеров которых выступают судебные споры, а также при помощи локализации использования инструментов логики, риторики и диалектики на разных уровнях их анализа [21], вследствие чего использование наряду с демонстративными таких схем аргументации недемонстративных рассуждений как примеры, аналогия, ссылки на авторитетные мнения, аргументы к человеку и т.д., нуждается в рассмотрении при помощи инструментов теории аргументации, для того чтобы оценивать их применение в конкретных судебных спорах [11].

И, наконец, специфической характеристикой судебной аргументации является ее тройкая конечность – временная, топологическая и информационная, открывающая перспективу рассматривать ее не как процесс, а как продукт, и реконструировать ее при помощи подразумевающих такое понимание инструментов, таких как тулминовская модель и методика нормативных систем, позволяющие восстанавливать отдельные аргументы, а также при помощи конечных аргументационных фреймворков, моделирующих строение обсуждения во фрагменте Дела о ТДС как заверченный спор. Процессуальные нормы права ограничивают длительность принятия судебных решений, круг лиц, участвующих в нем, их права и обязанности по выдвижению требований, возражений

и аргументов, а также время, место и способы предъявления служащих для выяснения фактов и их интерпретации свидетельств и документов, которые должны быть зафиксированы в письменной форме и доступны сторонам судебного спора в установленном порядке. Доводы сторон, их исковые требования и возражения в процессе судебного заседания по сути не предъявляются, а воспроизводятся. Несмотря на то, что стороны имеют дело с аргументацией своего противника, разворачиваемой в режиме реального времени в процессе спора, на каждом из его этапов, условно отождествляемых с заседаниями, она предстает как целостный продукт. Стороны располагают определенным запасом времени для подготовки своей позиции и на каждом этапе должны отвечать на все аргументы сразу, что исключает пересмотр или обновление позиций под влиянием критики или обсуждения какого-либо аспекта аргументации внутри данного этапа судебного спора, хотя и не исключает возможности уточнить свои требования и позицию на следующем этапе. Таким образом, тройкая конечность судебной аргументации позволяет считать ее элементы - иск, встречный иск, возражение и т.п. - отдельными составными аргументативными ходами и моделировать как самостоятельные цепочки рассуждений.

Дело о взыскании алиментов в твердой денежной сумме

В нашем исследовании мы рассматриваем фрагмент большого судебного разбирательства, длившегося около полугода. В фокусе нашего интереса находятся противоположные интерпретации сторонами спора факта отчуждения недвижимости и возможности их использования в ходе судебной аргументации.

Истица Ольга Иванова в иске к бывшему супругу Олегу Петрову (имена изменены) на основании ст. 80, 81, 89-91 СК РФ потребовала взыскать смешанные алименты на двоих общих несовершеннолетних детей, указывая на наличие у ответчика дохода от сдачи в аренду недвижимости и уровень жизни детей до развода. Ответчик О. Петров возражал против уплаты твердой денежной суммы (ТДС) в дополнение к алиментам в долях, отрицая

наличие неофициальных источников дохода и заявляя, что уровень жизни детей до развода был значительно ниже, чем это было представлено истицей. Между вторым и третьим судебными заседаниями все указанные в иске объекты недвижимости, с которых ответчик получал доход, были им подарены в один день отцу и брату. Это обстоятельство было названо судьей «аттракционом невиданной щедрости», ведь ответчик «не имеет дополнительных доходов, но зато имеет двоих несовершеннолетних маленьких детей, которых необходимо содержать. Значит, эти квартиры были для него лишними, я так понимаю?», - задала она вопрос, который остался без ответа. Факт отчуждения недвижимости оказался «камнем преткновения» судебного разбирательства: ответчик считал его подтверждением отсутствия у него недвижимости, а следовательно и неофициального дохода, который с нее можно было бы получать, а истица утверждала, что договор дарения свидетельствует о попытке сокрытия доходов и, следовательно, необходимости взыскания алиментов в ТДС, поскольку в долях с этой части дохода взыскать алименты не представляется технически возможным. В итоге суд постановил взыскать с ответчика смешанные алименты: «Доводы ответчика о том, что в настоящее время у него нет имущества, которое ранее ему принадлежало, суд во внимание не принимает, полагая, что действия ответчика по отчуждению принадлежащего ему недвижимого имущества в ходе рассмотрения настоящего дела по безвозмездным сделкам своим близким родственникам, свидетельствует о его намерении избежать обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей, и как следствие о злоупотреблении своими правами»¹. Размер ТДС, подлежащий взысканию с ответчика, судом был назначен в два раза меньше требования истицы, что оказалось средним арифметическим от требований сторон. Это можно бы назвать компромиссным решением вничью, однако, как показывает анализ аргументации, содержательно это является решением в пользу истицы, мотивированным не только ее аргументами, но определенной интерпретацией судом факта отсутствия недвижимости у ответчика после ее дарения родственникам.

¹ Выдержка из мотивированного решения суда по делу.

Реконструкция судебного спора

В нашей реконструкции мы предлагаем разделение всего аргументативного инструментария судебного спора на:

- собственно аргументы – рассуждения, обосновывающие или критикующие тезис OR - «Обязательно взимать с ответчика дополнительно к алиментам в долях алименты в ТДС в размере 2 прожиточных минимума на каждого ребенка»;
- содержательные основания аргументов;
- подкрепляющие эти основания фактические доказательства, являющиеся условием принятия описываемого в аргументах положения дел как истинного;
- законодательную базу – нормы, позволяющие квалифицировать фактические обстоятельства дел определенным образом и осуществить субсумцию.

Содержательные основания аргументов с процедурной точки зрения не являются обязательным элементом обоснования позиции в суде, тогда как наличие фактических доказательств и соотнесенность аргументов или их оснований с соответствующими нормами является необходимым условием принятия судом аргументов как состоящих из истинных утверждений и приемлемых.

Аргументация О. Ивановой:

Аргумент (А1): Алименты должны уплачиваться со всех видов дохода, однако значительная часть доходов ответчика не декларируемая, поэтому с них невозможно взимать алименты в долях, как с декларируемого официального дохода.

Основание (О1.1): реальный доход ответчика в три раза превышает доход официальный. Фактические доказательства: справка 2НДФЛ (ФД1.1), выписки движения средств на банковских счетах ответчика (ФД1.2).

Основание (О1.2): ответчику принадлежит несколько объектов недвижимости, которые он сдает в аренду, однако доход от аренды не декларируется. Фактические доказательства: выписки из Росреестра (ФД1.3), копии договоров аренды (ФД1.4), выписки движения средств на банковских счетах.

Законодательная база (ЗБ1): п.1 ст. 81 СК РФ, согласно которому алименты взыскиваются от заработка и(или) иного дохода родителей.

Аргумент (А2): Детям необходимо обеспечить прежний уровень содержания, который до развода составлял около 40 тыс. р/мес. на одного ребенка, что значительно выше суммы, которую обеспечивают алименты, взимаемые в долях с официального дохода. Фактические доказательства: чеки (ФД2.1), фотографии (ФД2.2).

Законодательная база (ЗБ2): п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»

О. Петров атакует оба аргумента истицы. Он утверждает, что, во-первых, не имеет неофициальных доходов (атака на аргумент А1) и, следовательно, не должен платить с них алименты, и во-вторых, что для сохранения прежнего уровня жизни детей достаточно уплаты 1/3 официального дохода (атака на аргумент А2). Реконструируем аргументацию О. Петрова:

Аргумент (А3): Ответчик не имеет доходов помимо официальных, поэтому по закону должен уплачивать алименты только в размере 1/3 этих доходов.

Основание (О3.1): Указанная О. Ивановой недвижимость более не принадлежит ответчику, а следовательно, он не может получать от нее доход. Фактические доказательства отчуждения недвижимости (ФОН): договоры дарения недвижимости в пользу отца и брата ответчика, оформленные за несколько дней до очередного судебного заседания.

Основание (О3.2): средства, поступающие на банковские счета, не являются доходами, это частные переводы, подарки родителей, возвраты долгов частными лицами, переводы самому себе и т.п. Фактические доказательства отсутствуют.

Законодательная база: п.1 ст. 81 Семейного кодекса РФ (ЗБ1)

Аргумент (А4): алименты в размере 1/3 официального дохода обеспечивают сохранение прежнего уровня жизни детей.

Основание (О4.1): на одного ребенка до развода тратилось около 20 тыс. р/мес. Фактические доказательства отсутствуют.

Основание (О4.2): поскольку оба родителя в равной мере должны содержать детей, отец должен выплачивать половину той суммы, которая тратилась на каждого ребенка до развода, что немного меньше, чем 1/3 официального дохода ответчика. Фактические доказательства: (ФД1.1) справка 2НДФЛ)

Законодательная база: (ЗБ4.1) п.1 ст. 61 СК РФ; (ЗБ4.2) п.1 ст. 80 СК РФ; (ЗБ2)п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»

В ходе судебного заседания О. Иванова возразила против АЗ О. Петрова, указав, что факт дарения недвижимости близким родственникам подтверждает не то, что О. Петров больше не может получать дохода, а то, что этот доход имеется и укрывается с целью снизить размер алиментов, т.е. фактически подкрепляет ее А1. Реконструируем эту энтимему следующим образом:

1	<p>1. О.Петров подарил родственникам перед заседанием суда приносящую доход недвижимость.</p> <p>2. Наилучшее объяснение причины данного акта дарения – что он осуществлен с целью укрывания дохода от этой недвижимости, а не из-за отсутствия дохода от нее.</p> <p>При помощи дарения недвижимости родственникам О. Петров стремится скрыть доходы от нее.</p>	Абдуктивное рассуждение
2	<p>1. Если имеется не декларируемый доход, то с него алименты следует взимать в ТДС</p> <p>2. О. Петров имеет не декларируемый доход</p> <p>С не декларируемого дохода О. Петрова следует взимать алименты в ТДС.</p>	Условно-категорическое рассуждение, <i>modus ponens</i>

О. Иванова полагает неприемлемым аргумент А4 О. Петрова, потому что не была подтверждена предложенная им оценка ежемесячного содержания детей в размере 20 тыс. р. Представленные О.Ивановой фактические доказательства ее оценки размера ежемесячного содержания детей включали фото обустройства мест игр и отдыха детей, чеки оплаты летнего оздоровления и т.п. продемонстрировали, что оценка ответчика занижена.

Аргументация О. Ивановой состоит из сходящихся цепочек аргументов в терминологии Уолтона (Walton, Gordon, 2015), где А1 отстаивает необходимость взимать алименты со всех видов дохода, включая неофициальный, а А2 - необходимость сохранить уровень обеспеченности детей, и подкрепляют тезис независимо друг от друга и являются отправной точкой для отдельной ветви дискуссии. На Рис. 1 и Рис.2 они по очереди визуализированы на графах при по-

мощи дунговых аргументационных фреймворков. Мы расширили выразительные возможности фреймворков, распределив аргументы по их функциям в судебном споре. Пунктирной линией обозначены отношения подкрепления, а сплошной – отношения атаки. Мы картировали искивые требования и возражения на них, опустив для краткости ответ истицы на возражения ответчика, и отобразили связи между фактом отчуждения недвижимости, обозначенным ФДЗ, в противоположных интерпретациях ответчика и истицы.

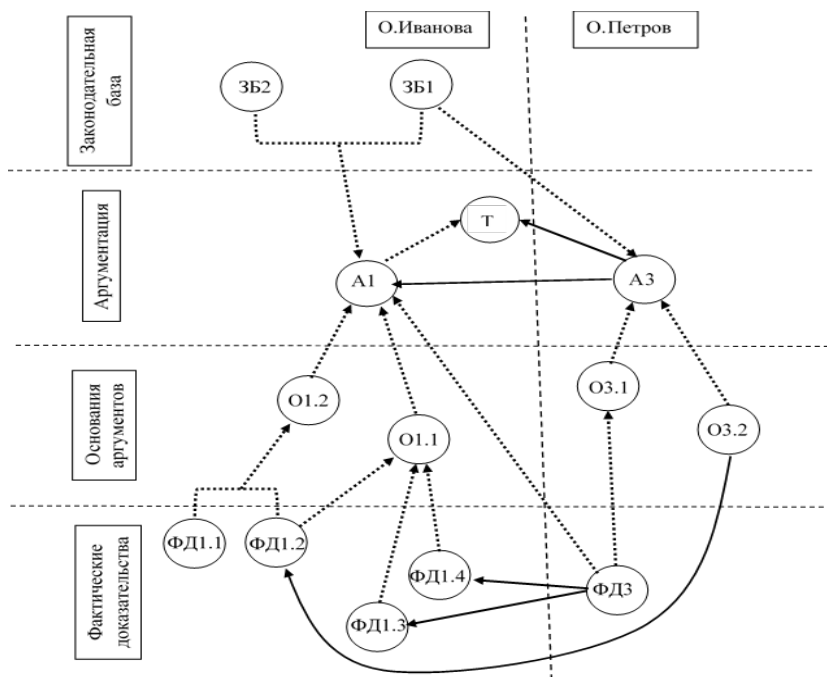

Рис. 1.

На рис. 1 видно, что аргументы О.Ивановой нацелены не на защиту ее атакованных ответчиком аргументов, но контратакуют доводы О. Петрова на мета-уровне как не релевантные его позиции при помощи противоположной интерпретации ФДЗ, выступающего единственным доводом в поддержку возражения О.Петрова. Ответчик и истица толкуют противоположным обра-

зом в защиту А3, либо А1, что формирует различные картины фактического положения дел. Ветвь дискуссии о том, что именно доказывает факт отчуждения недвижимости, оказывается ядром всего судебного спора. Уже на первом этапе анализа его двойное толкование не позволяет принять его как достаточное основание для О3.1. При этом основание О3.2, которое по мнению ответчика должно атаковать фактическое доказательство ФД1.2, само не может быть принято, потому что не имеет фактических доказательств, которые могут выполнять функцию подкрепления оснований или аргументов, но не наоборот. В итоге вся аргументация О.Петрова оказывается спорной в смысле обоснованности фактическими доказательствами, и, стало быть, - процедурно неприемлемой с точки зрения судебной аргументации.

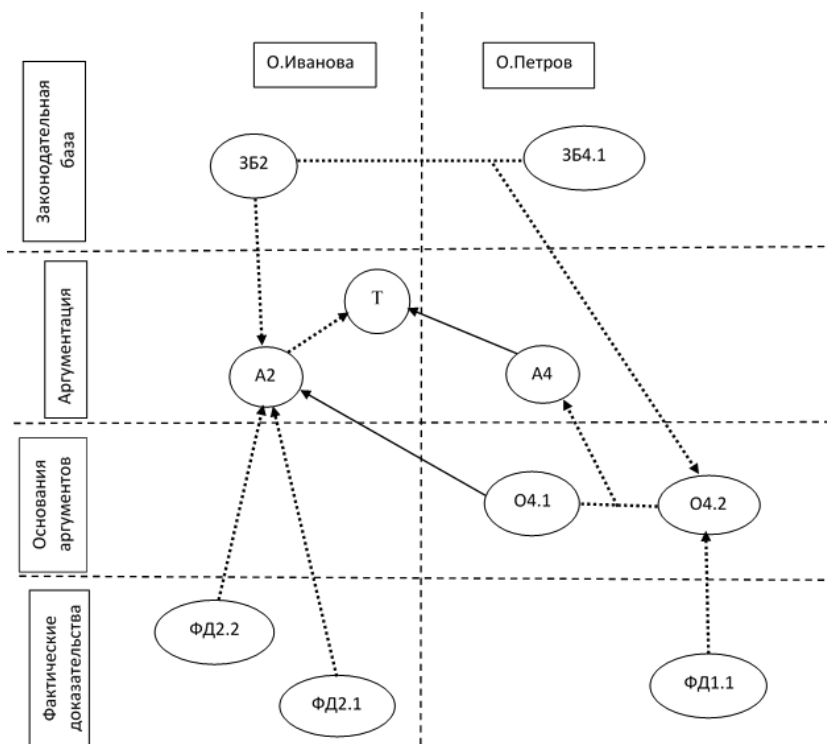

Рис. 2.

На рис. 2 видно, что ключевым основанием в этой части спора для О.Петрова является утверждение О4.1 о размере трат на детей до расторжения брака, которое не подкреплено фактическими доказательствами.

Реконструкция аргументации и ее картирование в духе М.Дунга позволяет сделать следующие выводы. Позиция истицы О. Ивановой тщательнее подкреплена фактическими доказательствами. Поскольку подкрепление своих оснований фактическими доказательствами относится к процедурным требованиям судебного спора, кажется уместным решение суда в пользу истицы. Одно из доказательств О. Петрова – факт отчуждения недвижимого имущества – неоднозначное, а это значит, что решение судьи связано не только с количественным перевесом фактических доказательств, представленных истицей, но и с их содержательной интерпретацией, которая требует более детального анализа.

Объединенная классификация споров

В этом разделе мы покажем, каким образом адекватная классификация спора как формы коммуникации сторон конфликта в суде помогает объяснить суть их разногласий и особенности его решения. Применительно к этой задаче в теории аргументации имеется три классификации споров и диалогов, где используют аргументы, которые мы адаптируем для ее решения. Под диалогом обычно понимают речевую форму социальной коммуникации двух и более участников, а спором называют диалог, в котором они стремятся уточнить или преодолеть расхождение во мнениях по какому-либо вопросу.

Прагма-диалектическая классификация диалогов [31], уходящая корнями в античную риторику, выделяет шесть типов диалогов зависимости от цели и начальной ситуации, а также задач его сторон, см. Таблицу 1.

Таблица 1

Прагма-диалектическая классификация споров

Тип диалога	Начальная ситуация	Задачи участников	Цель диалога
1. Исследование	Конфликт мнений	Убеждение другого в истинности предложения	Доказать \ опровергнуть гипотезу об истинности предложения
2. Убеждение	Конфликт мнений	Поиск \ проверка решения задачи, доказательства	Решить \ прояснить вопрос об истинности предложения
3. Переговоры	Конфликт интересов или ситуаций	Получить преимущество	Заключить сделку, соглашение
4. Поиск информации	Конфликт интересов или ситуаций	Получить или поделиться информацией	Обмен информацией
5. Обсуждение, делиберация	Конфликт интересов или сторон	Координация целей и действий	Определить наилучшую линию поведения
6. Эристика	Конфликт сторон	Победить другую сторону, в т. ч. перед аудиторией	Раскрыть конфликт

Согласно этой классификации разногласия О. Ивановой с О. Петровым представляют собой три спора. Первые два из них – это споры с целью убеждения. В одном из них речь идет истинности двух предложений F и не-F, а в другом – об истинности R и не-R, где:

F - «Безвозмездное отчуждение недвижимости в пользу родственников между заседаниями по делу указывает на отсутствие не декларируемого дохода от этой собственности»

Не-F «Безвозмездное отчуждение недвижимости в пользу родственников между заседаниями по делу указывает на наличие не декларируемого дохода от этой собственности»

R - «Алиментов в размере $\frac{1}{3}$ доли декларируемого дохода достаточно для сохранения прежнего уровня обеспечения детей»

Не-R - «Алиментов в размере $\frac{1}{3}$ доли декларируемого дохода недостаточно для сохранения прежнего уровня обеспечения детей»

О. Петров считает F и P истинными, а $\text{не-}F$ и $\text{не-}P$ – ложными, а О. Иванова придерживается противоположного мнения об истинности обоих предложений. Третий спор – это переговоры по поводу дальнейших действий истицы и ответчика. Прагма-диалектическая классификация, разграничивая эти споры, указывает на их разную начальную ситуацию и очерчивает их возможные исходы. Первые два спора являются конфликтами мнений об истинности предложений, описывающих фактическую ситуацию, и каждый из них подразумевает один из двух исходов. В первом споре верх возьмет либо мнение об истинности F , либо противоположное ему мнение об истинности $\text{не-}F$, а во втором споре – P , либо $\text{не-}P$, соответственно. Компромиссный исход здесь невозможен в силу несовместимости пропозициональных содержаний мнений F и $\text{не-}F$, а также P и $\text{не-}P$. Ниже с помощью методики нормативных систем мы покажем, почему такие возможные решения первых двух споров, как F и $\text{не-}P$, а также $\text{не-}F$ и P , в данном случае нерелевантны. Третий спор – это спор о действиях сторон, описание начальной ситуации которого включает истинность либо F и P , либо $\text{не-}F$ и $\text{не-}P$, установленную в первых двух спорах. Исходы этого спора подразумевают решение о взыскании алиментов в ТДС во втором случае и отказ в их взыскании первом случае.

Несмотря на то, что прагма-диалектическая классификация помогает разграничить спор о фактах и спор о действиях, выявить их связь и указать на возможные исходы споров, у нее имеется два ограничения, чувствительных в контексте поставленной нами задачи. Классифицируя типы диалогов, она не подразумевает разграничения видов споров в зависимости от прагматических ролей сторон. Вследствие этого указанные три спора между О. Петровым и О. Ивановой оказываются диалогами с целью убеждения и переговорами независимо от того, ведут их стороны между собой во внесудебном порядке, либо в суде, куда они обратились, когда в досудебном порядке разрешить разногласия не удалось. В отличие от спора между собой, в суде адресатом аргументации каждой из сторон является не другая сторона, а суд. Помимо этого, прагма-диалектическая классификация отвлекается от процедурных свойств споров, связанных с тем, каким образом стороны защищают свою точку зрения и критикуют противоположную.

Преодолеть первое из ограничений позволяет прагмакоммуникативная классификация [10], выделяющая пять видов споров по целям, ради достижения которых стороны в них вступают. В декларативном споре обсуждают и критикуют мнения о повестке будущих диалогов, в споре о мнениях – стремятся убедить оппонента в истинности какого-либо предложения, в споре о действиях – выдвигают аргументы в пользу совершения или несовершения какого-либо действия. Спор о статусе ведут с целью признания своей агентности в смысле обладания определенными полномочиями или компетенциями, включая эпистемические, а в тертиарном споре стороны нацелены повлиять на аудиторию, а не друг на друга. В соответствии с ней, во всех трех спорах О. Иванова и О. Петров нацелены на убеждение суда, поэтому они являются тертиарными.

Формально-диалектическая классификация споров [5] позволяет преодолеть второе ограничение. С ее помощью можно выделить два вида спора в зависимости от двух критериев. По количеству предложений, составляющих пропозициональное содержание спора, споры делят на единичные и множественные. По процедурным ролям сторон, выражающим их намерения защищать свою точку зрения при помощи аргументов, критиковать другие точки зрения, либо делать и то и другое, различают споры несмешанные, где каждая из сторон берется играть какую-либо одну роль, и смешанные, где хотя бы одна из сторон играет обе роли. Возможны два исхода единичного смешанного спора: точка зрения об истинности предложения А будет либо защищена, либо отклонена, если контраргументы против нее окажутся сильнее. Единичный смешанный спор не подразумевает защиты, либо отклонения мнений о не-А, которые в нем не были выдвинуты. Возможные исходы множественного смешанного спора предполагают, что будет защищено мнение об истинности предложения А и мнение об истинности не-А будет отклонено, либо, наоборот, будет защищено не-А, а А будет отклонено.

В соответствии с формально-диалектической классификацией конфликт О. Ивановой и О. Петрова в суде представляет собой шесть споров. Это четыре единичных смешанных спора между О. Ивановой и судом и О. Петровым и судом, в которых истица

и ответчик отстаивают, соответственно, точки зрения об истинности не- F и F , а также об истинности не- P и P , а суд в каждом из этих споров сомневается в них, не отстаивая противоположного мнения. В двух других множественных смешанных спорах состав участников тот же, но иначе распределены роли, потому что действием является как взыскание, так и его отсутствие, представляющее собой отказ во взыскании. Если в споре о взыскании алиментов, на котором настаивает О. Иванова, ей не удастся своими доводами развеять сомнение суда или отклонить возражения ответчика, и последние в результате окажутся более вескими, это приведет к решению об отказе поддержать это действие, т.е. к отказу во взыскании. И наоборот, если сомнения суда берут верх в споре об отказе во взыскании алиментов, на чем настаивает О. Петров, это приведет к решению об их взыскании.

Итак, несмотря на то, что каждая из рассмотренных классификаций вносит свой вклад в уточнение особенностей спора и его решений, ни одна из них, будучи взята отдельно, не позволяет это сделать надлежащим образом. Объединив эти три классификации споров и адаптировав под нужды нашего ситуационного исследования, мы можем адекватно идентифицировать конфликт О. Ивановой и О. Петрова в обсуждаемом нами фрагменте Дела о ТДС как три тертиарных смешанных спора. Первые два из них являются единичными спорами, нацеленными разрешить конфликт мнений по поводу истинности F и не- F , а также P и не- P , а третий является множественным спором, нацеленным разрешить конфликт по поводу действий - взыскания или отказа во взыскании алиментов в ТДС. Первые два спора выступают необходимым условием для второго. Ни один из споров не предполагает компромиссного решения.

Методика нормативных систем

Методика нормативных систем была предложена в трактате «Нормативные системы» [1]. Формальная сторона этой методики опирается на теорию множеств и деонтическую логику. Ее теоретическая сторона, рассматривающая нормы как «языковые высказы-

звания, которые соотносят случаи с решениями» [1, с.53], сводится к конструированию специфических норм для данного дела и соответствующей локальной нормативной системы на основе релевантных делу норм права и описаний фактов.

В этом разделе мы покажем практическую сторону методики нормативных систем на примере Дела о взыскании ТДС. Она заключается в установлении логической связи между случаями, описываемыми фактами дела, часть из которых стороны конфликта толкуют противоположным образом, и релевантными нормами права, с одной стороны, и юридическими решениями случаев, которые эти факты и нормы влекут, с другой. Методика нормативных систем при помощи реконструкции правовых проблем и их юридических решений позволяет ответить на вопросы о непротиворечивости и наличии пробелов в нормативной системе, реконструирующей данную правовую проблему, и выяснить, что нужно делать судье, юристу или законодателю для устранения этих дефектов.

Методика нормативных систем состоит в конструировании семантической модели для уточнения особенностей родовых случаев, свойства которых, сформулированные законодателем в гипотезах норм, связаны им с определенными решениями, сформулированными в их диспозициях. Такая модель генерирует локальные нормы, релевантные поставленным правовым проблемам, и эти нормы выступают в роли специфических правил для решения индивидуальных случаев. Взятые вместе описания свойств случаев, релевантные им нормы и влекомые ими решения образуют нормативное множество, в котором нормы – это высказывания, которые устанавливают логическую связь между случаями и решениями, тем самым образуя нормативную систему. Для ее образования достаточно и одной нормы. Решение в нормативной системе – это наделение действия R , предусмотренного законодателем в диспозиции нормы, определенным деонтическим статусом: обязательного – OR , дозволенного – PR , запрещенного – PhR или факультативного, т. е. нормативно безразличного, – FR .

Если в такой нормативной системе имеется только одно решение для каждого случая, значит она является логически полной, непротиворечивой и неизбыточной. Если же она содержит

более одного решения для какого-либо случая, то она избыточная, а если эти решения противоположные – то противоречивая. Отсутствие в нормативной системе решения для какого-либо случая означает, что она неполна.

В Таблице 2 мы реконструировали нормативное множество Дела о ТДС и представили обоснование решения путем установления логической связи между случаями и решениями. Конъюнкции предложений, описывающих наличие или отсутствие предусмотренного в гипотезе нормы свойства, образуют случаи. Решения – это деонтические квалификации действий, как они закреплены в ее диспозиции. Мы используем следующие обозначения:

D – наличие двух несовершеннолетних детей у истицы и ответчика;

F – наличие у ответчика не декларируемого дохода от его собственности;

P – для сохранения уровня обеспечения детей достаточно алиментов в размере 1/3 доли декларируемого дохода ответчика;

+, - - факты наличия или отсутствия свойства;

∨, ∧, ¬ – метаязыковые сокращения для «или», «и» и «не»;

R, $\neg R$ – взыскать алименты / отказать во взыскании алиментов в ТДС сверх алиментов в размере доли (1/3) декларируемого дохода, *OR* – обязательно взыскать, *PR* – дозволено взыскать.

Таблица 2

Логическая матрица случаев решений по Делу ТДС

Случаи	Свойства			Решение
	D	F	P	
1	+	+	+	$O \neg R$
2	+	+	-	OR
3	+	-	+	$O \neg R$
4	+	-	-	$P \neg R$
5	-	+	+	$O \neg R$
6	-	+	-	$O \neg R$
7	-	-	+	$O \neg R$
8	-	-	-	$O \neg R$

В ходе судебного разбирательства ответчик О. Петров настаивал, что Дело о ТДС – это Случай 3 со свойствами $D \wedge \neg F \wedge P$: имеется двое несовершеннолетних детей, нет не декларируемого дохода от собственности ввиду ее отсутствия, и алиментов в размере $1/3$ доли от декларируемого дохода достаточно для сохранения прежнего уровня обеспечения детей. Истица О. Иванова считала Дело о ТДС Случаем 2 со свойствами $D \wedge F \wedge \neg P$: имеется двое несовершеннолетних детей, у ответчика имеется не декларируемый доход от его собственности, и алиментов в размере $1/3$ доли от декларируемого дохода недостаточно для сохранения прежнего уровня обеспечения детей. Случаи 3 и 2 говорят о том, что стороны согласны по вопросу наличия двух несовершеннолетних детей, осведомлены о факте отчуждения собственности между заседаниями по Делу о ТДС и не оспаривают его, но занимают противоположные по вопросу о том, указывает он на наличие, либо на отсутствие источника не декларируемого дохода.

Эти разногласия сигнализируют о пробеле в распознавании (следствия) факта безвозмездного отчуждения собственности ответчиком в пользу родственников между заседаниями по Делу. Он носит эпистемический, а не юридический характер и затрудняет субсумцию, внося путаницу в идентификацию свойств случая – является ли Дело о ТДС Случаем 2 или Случаем 3?

Для того, чтобы эту путаницу устранить, реконструируем доводы сторон как условные аргументы. Мы отвлекаемся от свойства D , по которому у сторон не было разногласия.

Таблица 3

Случаи 2 и 3 Дела о ТДС

	Случай 2	Случай 3
посылки	(И1) Если $F \wedge \neg P$, то $O R$	(O1) Если $\neg F \wedge P$, то $O \neg R$
	(И2) F	(O2) $\neg F$
	(И3) $\neg P$	(O3) P
закключение	(ИТ) $O R$.	(OТ) $O \neg R$.

Реконструкция аргументов сторон напоминает умозаключения по правилу *модус поненс*, однако ни один из них не является дедуктивно корректным. И1 и О1 – это нормативные предложения, выражающие соответствующие нормы, ИТ и ОТ – это нормативные следствия, или решения. Это исключает понимание предложений И1 и О1 как устанавливающих условные связи между *F*, *P* и *OR* на основе их истинностных значений, а также в духе вероятностных каузальных связей между антецедентом и консеквентом [24]. Прескриптивное прочтение И1 и О1 как условных индивидуальных норм, предназначенных установить логическую связь между случаем и решением, предполагает проверку аргумента через опровержение в духе совместимости антецедента и отрицания консеквента [27]. Для Случая 2 такая проверка сводится к ответу на вопрос, допускается ли отказать во взыскании алиментов с не декларируемого дохода в условиях его наличия, а для Случая 3 – к ответу на вопрос, возможно ли взыскать алименты с неофициального дохода в условиях его отсутствия. В обоих Случаях ответ отрицательный, соответственно, в силу действующих норм права независимо от решения конфликта сторон, или по эпистемическим соображениям.

Таким образом, методика нормативных систем позволяет реконструировать локальную нормативную систему для Дела о ТДС, т.е. родовые случаи и решения, образованные фактами Дела, релевантными ему нормами права, а также предусмотренными в них решениями. Полученная нормативная система является полной, избыточной и непротиворечивой, что позволяет получить необходимое индивидуальное решение при условии устранения эпистемического затруднения в распознавании одного из свойств – наличия или отсутствия не декларируемого дохода, вытекающего из признаваемого сторонами факта отчуждения приносящей этот доход недвижимости в пользу родственниками между заседаниями по Делу.

Граф аргументации на рисунке 3 визуализирует противоположные трактовки факта отчуждения недвижимости (ФОН), утверждения о наличии приносящей доход недвижимости (Н) и ходы аргументации сторон:

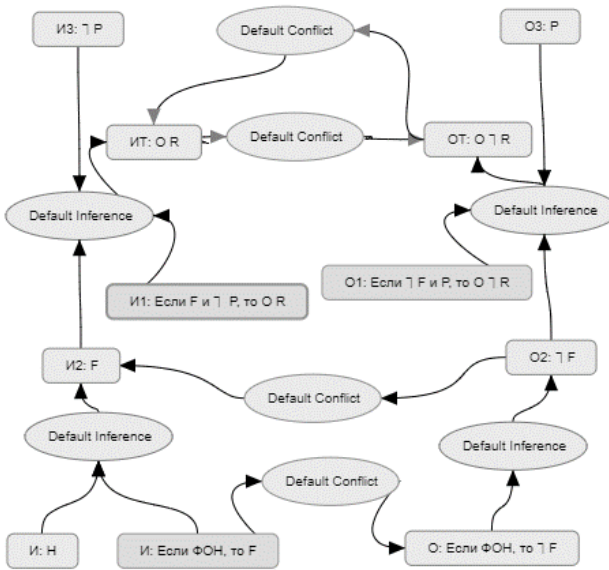

Рис. 3. Граф аргументации

Реконструкция аргументации и ее визуализация на графе при помощи аргументационного фреймворка позволила выявить необоснованные фактическими доказательствами или не атакованные противником аргументы и обнаружить элементы аргументации, интерпретируются по-разному сторонами спора, а также увидеть, каким образом это влияет на решение по Делу. Оно зависело от того, каким образом суд истолкует связи между аргументами: непосредственно как причинно-следственные – нет собственности, значит, нет и дохода от нее, т.е. как Случай 3, или опосредованно в эпистемическом смысле, безвозмездное отчуждение в пользу родственников указывает на наличие дохода от нее, т.е. как Случай 2. Суд истолковал Дело о ТДС как Случай 2.

Заключение

Мы проанализировали фрагмент Дела о взыскании смешанных алиментов с помощью четырех методик: дескриптивных реконструкции на основе тулминовской модели и визуализации на графе на основе аргументационного фреймворка; и нормативных объединенной классификации споров и методики нормативных систем. Это позволило выяснить, каким образом интерпретация судом факта отчуждения ответчиком недвижимости в пользу родственников повлияла на акты родовой и индивидуальной субсумции и на решение по делу, а также продемонстрировать плодотворность комплексного изучения обоснования решения судебного спора посредством основанных на логике и аргументации методик.

Мы полагаем, что подобная реконструкция имеет не только высокий эвристический потенциал в ситуациях неочевидности исхода судебного спора, но и практическую значимость при его переходе на следующую инстанцию, потому что дает возможность более точно оценить обоснованность, и, значит, справедливость судебного решения. Изучение юридической аргументации при помощи исключительно нормативных, либо исключительно дескриптивных методик позволяет моделировать ее отдельные аспекты – доводы сторон, ход аргументирования, обоснованность вердикта и т.п., но не дает возможности реконструкции рассмотрения дела или даже его фрагмента целиком. Моделирование юридической аргументации при помощи инструментария логики и теории аргументации вносит вклад не только в их изучение, но и обогащает подобный инструментарий и методики его применения.

Литература

1. *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Нормативные системы / пер. с англ. Антонова М.В., Лисанюк Е.Н. // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Лисанюк Е.Н. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2013. С. 44-210.
2. *Булыгин Е.В.* Границы логики и аргументация в праве // Избранные работы по теории и философии права / под ред. Антонова М.В., Лисанюк Е.Н., Максимова С.И.. – СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 154 – 182.
3. *Варламова Н.В.* Нормативность права: между должным и сущим // Нормативность в праве: понятие, интерпретации, соотношение с другими правовыми свойствами: коллективная монография / под ред. И. И. Осветимской, Е. Г. Самохиной. – СПб: Скифия-принт, 2024. С. 162 – 198.
4. *Еемерен ван, Ф., Гроотендорст Р.* Речевые акты в аргументативных дискуссиях. /пер. с англ. Е.А. Богоявленской. – СПб: Нотабене, 1994.
5. *Еемерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р.* Систематическая теория аргументации. Прагма-диалектический подход. /пер. с англ. Доманова О. А., Берестова И. В., Кима И. Е., под общ. ред. О.А. Доманова - М.: Канон+, 2021.
6. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. /пер. с нем. Антонов М. В., Лезов С. В. – СПб: ИД Алеф-Пресс, 2023.
7. *Лисанюк Е. Н.* Демонстративные аргументы в логике устранения одной юридической коллизии : на примере дела «Женщины и суд присяжных» // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8, № 1. С. 67–80.
8. *Лисанюк Е.Н., Мазурова М.Р.* Аргументация, разногласие равных и рождение истины в споре // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. - № 1. С. 81–100.
9. *Лисанюк Е.Н., Шапиро О.А.* Модусы рассуждений в споре двух Других (ситуационное исследование на материале судебного дела) // Как возможна другая философия?: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием: XIX Таврические философские чтения «Анахарсис» / Под общ. ред. Ю.М. Коротченко, В.Ю. Ефанова. - М.: РГГУ, 2023. С. 88-91.
10. *Микиртумов И.Б.* Споры тематические и нетематические: способы оценки и черты прагматики // Формальная философия аргументации / под ред. Е. Н. Лисанюк. – СПб.: Алетейя, 2022. С. 266-290.
11. *Перельман, Х., Олбрехт-Тытека Л.* Из книги "Новая риторика: трактат об аргументации" /пер. с фр. Т.Л. Ветошкиной // Язык и моде-

лирование социального взаимодействия / под ред. В.В. Петрова. - М.: Прогресс, 1987. С. 207-264.

12. *Поляков, А. В.* Коммуникативное правопонимание : избранные труды. – Санкт-Петербург: "Издательский Дом "Алеф-Пресс", 2014.

13. *Савинь Ф. К., фон.* Система современного римского права: В 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря - М.: Статут, 2016.

14. *Соболева А.К.* Топическая юриспруденция. - М.: Добросвет, 2002.

15. *Тимошина Е.В., Кондуров В.Е.* В поисках утраченного смысла: толкование права в ситуации «смерти законодателя» // Вопросы философии. 2022. № 10. С. 29-43.

16. *Формальная философия аргументации.* Коллективная монография / под ред. Е. Н. Лисанюк. – СПб.: Алетей, 2022.

17. *Фролов К.Г.* Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 2. С. 85-97.

18. *Харт Г.Л.А.* Понятие права /пер. с англ. под ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. - СПб.: Изд. СПбГУ, 2007.

19. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избр.: в 6 т. Т 4. - М.: Статут, 2016.

20. *Alexy, R. A.* Theory of Legal Argumentation. – Oxford: Clarendon Press, 1989.

21. *Atienza A., Manero R. J.* A Theory of Legal Sentences. – Berlin: Springer, 1997.

22. *Bentham, J. van, Grossi, D., Liu, F.* Priority structures in deontic logic // Theoria 2014. No. 80. P. 116–152.

23. *Dung P.H.* On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games // Artificial Intelligence. 1995. Vol 77. P. 321-357.

24. *Espino O., Byrne R. M. J., Johnson-Laird P. N.* Possibilities and the parallel meanings of factual and counterfactual conditionals // Memory & Cognition. 2020. №48(2). P.1263-1280.

25. *Hintikka, J.* Some Main Problems of Deontic Logic // Deontic Logic: Introductory and Systematic Readings /ed by R. Hilpinen. – New York: Humanities Press, 1971. P. 59-104.

26. *Perelman, Ch.* The Rational and the Reasonable // Philosophic Exchange. – 1979. Vol. 10. No. 1. P. 29-34.

27. *Politzer G., Bonnefon J.F.* Two varieties of conditionals and two kinds of defeaters help reveal two fundamental types of reasoning // Mind and Language. 2006. № 21 (4). P. 484-503.

28. *Toulmin S.* The uses of argument. - New-York: Cambridge University Press, 2003.
29. *Viehweg, Th.* Topik und Jurisprudenz. - München: Beck, 1954
30. *Walton D., Gordon T.F.* Formalizing Informal Logic // *Informal Logic*. 2015. 35(4). P. 508-538.
31. *Walton D., Krabbe E.C.W.* Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning. – Albany: CUNY press, 1995.

References

1. *Al'churron K.Je* [Alchurron C.E]., *Bulygin E.V.* 2013. Normativnye sistemy [Normative Systems]/ trans from the English Antonov M.V., Lisanjuk E.N. // «Normativnye sistemy» i drugie raboty po filosofii prava i logike norm ["Normative Systems" and other works on the philosophy of law and the logic of norms] / ed. by Lisanjuk E.N., 44-210. – SPb. [St.-Petersburb]: SPbGU.
2. *Bulygin E.V.* 2016. Granicy logiki i argumentacija v prave [The Limits of Logic and Argumentation in Law] // *Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava* [The Limits of Logic and Argumentation in Law // Selected Works on the Theory and Philosophy of Law]./ ed. By Antonov M.V., Lisanyuk E.N., Maximov S.I., 154-182. – SPb.[St.-Petersburb]: Alef-Press.
3. *Varlamova N.V.* 2024. Normativnost' prava: mezhdru dolzhnym i sushhim [Legal normativity between the obligatory and the existing] // *Normativnost' v prave: ponjatie, interpretacii, sootnoshenie s drugimi pravovymi svojstvami: kollektivnaja monografija* [Normativity in law: conceptions, interpretations and relations to other legal properties.A collective monograph / pod red. I. I. Osvetimskoj, E. G. Samohinoj, 162-198. – SPb [St Petersburg]: Skifija-print,
4. *Eemeren van, F., Grootendorst R.* 1994. Rechevyje akty v argumentativnyh diskussijah [Speech Acts in Argumentative Discussions]. /trans. By the English E.A. Bogojavlenskoj. – SPb. [St.-Petersburb]: Notabene.
5. *Eemeren F.H. van, Grootendorst R.* 2021. Sistematičeskaja teorija argumentacii. Pragma-dialektičeskij podhod. [A Systemativ Theory of Argumentation. The pragma-dialectical approach] /trans. From the English. Domanova O. A., Berestova I. V., Kima I. E., ed, by. O.A. Domanova.- Moskva [Moscow]: Kanon+.
6. *Kel'zen G.* [Kelsen H.] 2023. Chistoe učenje o prave. [Reine Rechtslehre] /trns. From the German Antonov M. V., Lezov S. V. – SPb [St.-Petersburg]: ID Alef-Press.

7. *Lisanjuk E. N.* 2024. Demonstrativnye argumenty v logike ustraneniya odnoj juridicheskoy kollizii : na primere dela «Zhenshhiny i sud priszazhnyh» [Demonstrative Arguments in the Logic of Eliminating a Legal Collision: “Women and the Jury” Case Study] // *Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Philosophy. The Journal of the Higher School of Economics] 8, № 1. P. 67–80.

8. *Lisanjuk E.N., Mazurova M.R.* 2019. Argumentacija, raznoglasiye ravnih i rozhdenie istiny v spore [Argumentation. Peer Disagreement and the Truth Birth in Dispute] // *Jepistemologija i filosofija nauki.* [Epistemology & Philosophy of Science] 56, № 1. P.81–100.

9. *Lisanjuk E.N., Shapiro O.A.* 2023. Modusy rassuzhdenij v spore dvuh Drugih (situacionnoe issledovanie na materiale sudebnogo dela) [Modes of Reasoning in the Dispute of the Other Two (Case Study Based on the Material of the Court Case)] // *Kak vozmozhna drugaja filosofija?: Materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem: HIH Tavricheskie filosofskie chteniya «Anaharsis»* [How is another philosophy possible?: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation: XIX Tauride philosophical readings "Anacharsis"] / ed. by Ju.M. Korotchenko, V.Ju. Efanova, 88-91. – Moskva [Moscow]: RGGU.

10. *Mikirtumov I.B.* 2022 Spory tematicheskie i netematicheskie: sposoby ocenki i cherty pragmatiki [Thematic and non-thematic disputes: methods of evaluation and features of pragmatics] // *Formal'naja filosofija argumentacii* [Formal Philosophy of Argumentation] / ed. by E. N. Lisanjuk SPb. [St.-Petersburg]: Aletejja. P. 226-290.

11. *Perel'man, H.; Olbreht-Tyteka, L.* [Ch. Perelman, L, Olbrechts-Tyteca] 1987. Iz knigi "Novaja ritorika: traktat ob argumentacii" Per. s fr. T.L. Vetoshkinoy [Le nouvel rhetorique: Traite de l'argumentation]// *Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija* [Language and modeling of social interaction] / ed. by V.V. Petrov. 207-264. - Moskva [Moscow]: Progress.

12. *Poljakov, A. V.* 2014 Kommunikativnoe pravoponimanie : izbrannye Trudy [Communicative legal understanding: selected works] – Sankt-Peterburg: "Alef-Press".

13. *Savin'i F. K., fon.* [Savigny, F.C. von] 2016. Sistema sovremenogo rimskogo prava: V 8 t. T. 1 [Das System des Heutigen Römischen Rechts] / trans. from the German G. Zhigulina; ed. by O. Kutateladze, V. Zubarja. Moskva [Moscow]: Statut.

14. *Soboleva A.K.* 2002. Topicheskaja jurisprudencija. [Topical Jurisprudence]. – Moskva [Moscow]: Dobrosvet.

15. *Timoshina E.V., Kondurov V.E.* 2022. V poiskah utrachennogo smysla: tolkovanie prava v situacii «smerti zakonodatelja» [In search of the lost sense. Legal interpretation in the condition of ‘death of the lawgiver’ // *Voprosy filosofii* [Issues in Philosophy]. № 10. P. 29-43.

16. *Formal'naja filosofija argumentacii. Kollektivnaja monografija.* [Formal Philosophy of Argumentation] 2022 / ed. by E. N. Lisanjuk. – SPb. [St.-Petersburg]: Aletejja.

17. *Frolov K.G.* 2020. Intellektual'naja chestnost' kak intellektual'naja dobrodetel' [Intellectual Integrity as Intellectual Virtue] // *Sibirskij filosofskij zhurnal* [The Siberian Journal of Philosophy] 18, № 2. P. 85-97.

18. *Hart G.L.A.* [Hart H.L.A.] 2007. Ponjatje prava [The Concept of Law] /trans. from the English and ed. by E. V. Afonasina, S. V. Moiseeva. - SPb. [St.-Petersburg]: Izd. SpbGU.

19. *Shershenevich G. F.* 2016. Obshhaja teorija prava [General Theory of Law] // *Shershenevich G. F. Izbrannoe* [Selected].: v 6 t. T 4. – Moskva [Moscow]: Statut.

20. *Alexy, R. A.* Theory of Legal Argumentation. – Oxford: Clarendon Press, 1989.

21. *Atienza A., Manero R. J.* A Theory of Legal Sentences. – Berlin: Springer, 1997.

22. *Bentham, J. van, Grossi, D., Liu, F.* Priority structures in deontic logic // *Theoria*. 2014. No. 80. P. 116–152.

23. *Dung P.H.* On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games // *Artificial Intelligence*. 1995. Vol 77. P. 321-357.

24. *Espino O., Byrne R. M. J., Johnson-Laird P. N.* Possibilities and the parallel meanings of factual and counterfactual conditionals // *Memory & Cognition*. 2020. №48(2). P.1263-1280.

25. *Hintikka, J.* Some Main Problems of Deontic Logic // *Deontic Logic: Introductory and Systematic Readings* /ed by R. Hilpinen. – New York: Humanities Press, 1971. P. 59-104.

26. *Perelman, Ch.* The Rational and the Reasonable // *Philosophic Exchange*. – 1979. Vol. 10. No. 1 P. 29-34.

27. *Politzer G., Bonnefon J.F.* Two varieties of conditionals and two kinds of defeaters help reveal two fundamental types of reasoning // *Mind and Language*. 2006. № 21 (4). P. 484-503.

28. *Toulmin S.* The uses of argument. - New-York: Cambridge University Press, 2003.

29. *Viehweg, Th.* Topik und Jurisprudenz. - München: Beck, 1954.

30. *Walton D., Gordon T.F.* Formalizing Informal Logic // *Informal Logic*. 2015. 35(4). P. 508-538.

31. *Walton D., Krabbe E.C.W.* Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning. – Albany: CUNY press, 1995.

Информация об авторах

Лисанюк Елена Николаевна – д. филос. н., ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Ст. Басманная, д. 21/4, (Москва).

elenalisanyuk@yandex.ru

Шapiro Ольга Александровна – к.филос.н., СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург), Российская Федерация, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.

shapiro-oa@ranepa.ru

Information about authors

Lisanyuk Elena Nikolaevna – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Professor, National Research University Higher School of Economics.

elenalisanyuk@yandex.ru

Shapiro Olga Aleksandrovna – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Comparative Political Studies, RANEPА St. Petersburg.

shapiro-oa@ranepa.ru

Дата поступления 10.07.2025

Принята к публикации 23.12.2025